

I.

Злоба времени и его болѣзнь.

Золотыя рѣчи о.о. Перевозовскаго и Томеико, вызванныя проэктомъ о. Сальскаго, возбуждаютъ самый живой интересъ къ жизни вообще.

Среди изысканій отвѣта на вопросъ: „какіе намъ курсы нужны“ и вообще „что намъ нужно“, тутъ встрѣчаешься и съ переоцѣнкой цѣнностей и съ утвержденіемъ „зряшемя безгласна“ и съ приглашеніемъ „встань спяй.“

Съ болью только сжимается сердце отъ мысли: „а вдругъ все это писаніе дорогихъ собратьевъ вмѣстѣ съ проэктомъ о. Сальскаго и вопросами о. Пособило, ихъ искреннія волненія и безпокойства останутся втуне. Вѣдь послѣ бури, шума, сплошь и рядомъ бываетъ тихая погода, и часто съ тѣми же элементами, входившими въ нее до бури.“

Пишущій эти строки испыталъ на себѣ горечь того осадка, какой чувствуется на душѣ въ состояніи „гласа вопіющаго въ пустынѣ.“

Впрочемъ, въ тихіе, болѣе или менѣе, моменты общественной жизни, какъ настоящее переживаемое время, очутиться на лаврахъ индифферентизма еще естественнo и почивать на нихъ сносно для самочувствія, но получить такую почетную награду въ дни горячѣй, страдной поры-это, въ высшей степени, больно.

Въ концѣ декабря 1905 года на сѣздѣ одного изъ округовъ нашей епархіи мною былъ представленъ докладъ дословно, но съ большими пропусками, нижецитируемый

въ той его части, какой онъ, предполагаю, объясняетъ появленіе проэкта о. Сальскаго и слабо затѣмъ намѣчаетъ путь возрожденія и работы духовенства, отчасти близкій къ предложеніямъ вышеупомянутыхъ собратьевъ, но менѣе узкій по своей широтѣ. Я писалъ: „Всѣмъ намъ извѣстно, что животрепещущій вопросъ нашего времени-вопросъ соціально-политическій. Для насъ особенно важно отношеніе къ немурелигіи и его къ религіи. Религія всегда имѣла большое значеніе для государственнаго благосостоянія народовъ. Всѣ великія эпохи въ исторіи государствъ были въ то же время и періодами процвѣтанія религіи, и упадокъ послѣдней неминуемо влекъ за собой паденіе и разложеніе также государственной жизни народовъ. Вмѣстѣ съ ослабленіемъ религіозной вѣры, народы лишались небесной росы, свѣта и теплоты для своего роста, и такимъ образомъ, прекращался притокъ жизненныхъ силъ въ ихъ органически-общественную жизнь. Однимъ словомъ исторія свидѣтельствуемъ, что религія была первоначальнымъ источникомъ и постояннымъ жизненнымъ базисомъ человѣческой культуры во всѣхъ ея проявленіяхъ. Положеніе это блестяще раскрываютъ намъ наши апологеты-Геттингеръ, Лютардъ, Лехрель и друг. Теперь спрашивается: есть ли такая жизненная сила въ современномъ состояніи нашей религіи? Является ли она основнымъ нервомъ всей жизни и развитія народа? Основывается ли наше освободительное движеніе въ своихъ дѣйствіяхъ на началахъ христіанства?

Зная нѣсколько современное теченіе, и между прочимъ проводящаго идею признанія религіи частнымъ дѣломъ, приходится невольно поднимать завѣсу будущаго и съ ужасомъ смотрѣть туда, если не послѣдуетъ скорѣйшаго возрожденія нашей духовной жизни, съ ея внутреннимъ и внѣшнимъ содержаніемъ.

Всѣмъ намъ, конечно, извѣстно, что въ XVIII в. во Франціи, въ болѣе, или менѣе систематической формѣ,

выступилъ атеизмъ и заявляетъ себя съ той поры до нашихъ дней. Авторъ одного изъ произведеній того времени провозгласилъ вѣру въ Бога столь же великимъ заблужденіемъ, сколько и отличие между тѣломъ и духомъ и въ лучшемъ случаѣ совѣтывалъ разсматривать религію, какъ миеологію. Дидро увѣрялъ: „истинная религія не имѣетъ никакой религіи“. Это ученіе французскіе атеисты старались провести и укоренить въ массѣ своего народа въ страшные дни конвента, когда террористы постановили: „нужно лишить трона царя неба, точно также и царейъ земныхъ.“

Другой фактъ. Не такъ давно на студенческомъ конгрессѣ въ Люттихѣ, одинъ ораторъ среди всеобщихъ аплодисментовъ провозгласилъ: «ваша цѣль, братья, — уничтоженіе всякой религіи, разрушеніе всѣхъ церквей, искорененіе изъ сознанія своихъ собратьевъ всякой мысли о Богѣ.» Еще въ Испаніи предводитель демократовъ открыто заявляетъ: „человѣкъ мудрость, а Богъ глупость; на всѣхъ одна чашка поднимается, — если другая опускается; если Богъ вверху, то народъ остается внизу, но если Богъ низвергается, то народъ возвышается.“

Тоже самое заявлялось и заявляется въ Италіи, Германіи и Англіи и т.д. Одинъ на примѣръ изъ германскихъ атеистовъ пророчествуетъ о непремѣнной замѣнѣ въ будущемъ религіи-драмой, а церкви-театромъ, „какъ мѣстомъ новаго культа“; „должна быть новая церковь; театръ будетъ храмомъ новаго культа, божественнымъ домомъ, какъ это было у грековъ. Религія и истинная драма для меня тождественны“

Возьмемъ еще Англію. Вотъ что тамъ говорится. „Всѣ понятія и познанія человѣческаго духа необходимо должны пройти три стадіи развитія-теологіи, метафизики и наконецъ позитивизма. На послѣдней точкѣ зрѣнія человечество освободится отъ всякаго остатка вѣры въ невидимое и вмѣстѣ съ тѣмъ достигнетъ своего совершенства“. Это ученіе, принципъ котораго жить и трудиться

для этого міра и распространилось широко въ Англіи: „интересъ къ временному, говорятъ, долженъ вытѣснить все разсужденія и учрежденія, относяшіяся къ вѣчному; главная наша задача энергическая дѣятельность для всесторонняго усовершенствованія настоящей жизни; силою для этого мы владѣемъ единственно въ научномъ образованіи.“ Въ этомъ именно или подобномъ смыслѣ и въ нашемъ отечествѣ, за послѣднія три десятилѣтія, нѣкоторые органы свѣтской (преимущественно періодической) литературы посвятили свои силы пропагандѣ. Можно бы и еще привести массу подобныхъ выдержекъ, но кажется и сообщенныхъ достаточно для рельефнаго освѣщенія той темной бездны, въ которой мы можемъ очутиться подобно французскому духовенству и друг. Въдѣ тысячи образованныхъ лицъ разныхъ поколѣній принадлежатъ только номинально къ православной христіанской церкви, а нѣкоторые изъ нихъ про насъ, служителей, говорятъ такъ: „это живыя муміи, они прозябаютъ, движутся и существуютъ, плодятся и умираютъ, но не живутъ въ собственномъ, человѣческомъ смыслѣ.“

Что же мы? Чувствуемъ ли этотъ ужасный приговоръ падъ нами? Мы большею частію только изливаемся въ безплодныхъ жалобахъ на испорченность нашего вѣка и въ то же время остаемся хладнокровными и часто даже невнимательными къ тѣмъ различнымъ средствамъ, благодаря которымъ религіозный индифферентизмъ и невѣріе продолжаютъ расти и процвѣтать въ нашемъ отечествѣ. Что же именно необходимо дѣлать? Мнѣ кажется, мы должны ясно и точно обозначать себѣ все тѣ открытыя литературныя средства, которыми ратуетъ противъ христіанской вѣры и церкви современная свѣтская печать и противопоставить имъ свои надежныя орудія защиты или нападенія въ интересахъ христіанской вѣры. Говоря вообще, враждебная христіанству и церкви наша свѣтская печать ведетъ свое разрушительное дѣло двоякаго рода средствами: 1) путемъ отвлеченнаго или научнаго

характера раскрытія идей и 2) путемъ рѣшенія церковно-практическихъ вопросовъ, направленныхъ къ подрыву авторитета нашей церкви. Въ противовѣсъ сему и нашъ путь долженъ быть такого же двухроднаго свойства. Съ этой цѣлью необходимо, мнѣ кажется, расширить нашъ печатный органъ „Епархіальныхъ Вѣдомостей“ и прибавить къ нему отдѣлъ, функціей котораго были бы христіанская апологетика и вопросы—„злобы дня“ во всѣхъ жизненныхъ проявленіяхъ. Но и расширивши этотъ органъ, большая часть духовенства, возможно допустить, не будетъ принимать въ немъ активнаго участія. Для этого пужно намъ побольше „самодѣятельности“, которую я понимаю въ смыслѣ самообразованія нашего духовнаго общества подъ вліяніемъ и руководствомъ школы, печати или произведеній литературы. Нужно организовать такъ называемые „рефераты“ по всѣмъ вопросамъ религіозной и общественной жизни, исторіи, политики, экономіи и т. д. Это спеціально для окружнаго благочинническаго духовенства. Каждый причтъ долженъ (выборъ темы по желанію) хоть одинъ разъ въ годъ представить рефератъ благочинному и, по прочтеніи имъ, передаваться духовенству округа отъ одного къ другому. Лучше всего, конечно, выбранную всѣмъ причтомъ или однимъ священникомъ тему предлагать всегда окружному съѣзду, обязанность котораго согласиться или не признать ее интересной.

Продолжаю дальше. Не правда ли, что наше крестьянство начинаетъ скучать въ церкви и больше интересуется землей и временными, часто узко-эгоистическими заботами? Не правда ли, что вся почти наша жизненная задача сведена на простой обрядовой формализмъ? Мнѣ могутъ сказать, что храмы всегла бывають полны молящимися и имъ каждый разъ произносится проповѣдь и этотъ фактъ, слѣдовательно, самъ собой, такъ кажется, опровергаетъ высказанное мною. Но вѣдь самое главное и прежде всего дѣло не въ количествѣ, а въ качествѣ.

Сколько въ церкви сознательно молящихся и вѣрующихъ? Не есть ли это, въ массѣ случаевъ, тѣла слушающія звуки и разсматривающія происходящее? Не доказанъ ли тотъ фактъ, что большинство изъ насъ произносятъ или, лучше сказать, читаютъ поученія по печатнымъ книгамъ, а чтеніе и особенно не прочувствованное самимъ собою мало приноситъ пользы. Если все это такъ, то есть ли наши храмы-храмы Бога живаго, а мы пастыри ли и учителя?

Нужно скорѣе одухотворить проповѣдь и смотрѣть на нее какъ на живую бесѣду или живой рассказъ истинъ вѣры и жизни. Осуществленіемъ этого, мнѣ кажется, нельзя медлить, а то „придутъ волки и распудятъ овцы.“ Чтобы достигъ успѣха, несомнѣнно нужно много потрудиться надъ собою, но располагающимъ и воодушевляющимъ средствомъ къ труду сему является народная душа, воды живой жаждущая. Объединимся и вмѣстѣ изучимъ это дѣло.

Далѣе. Прошу съѣздъ установить коллективный взглядъ на современные событія, на освободительное движеніе и затѣмъ рѣшить всѣмъ единодушно проводить выработанныя идеи въ народъ съ церковной кафедры и гдѣ бы тому не представился случай „благовременне и безвременно“. Въ оправданіе того положенія, что мы должны участвовать и въ социальномъ-политической жизни представляю слѣдующіе историческія данныя. Извѣстно, что нѣкогда низшій рабочій классъ, арендовавшій землю у богатыхъ землевладѣльцевъ, былъ обираемъ ими. Церковь очень часто возставала противъ такого произвола. Блаженный Августинъ, напримѣръ, строго укоряетъ нѣкоего Ромула, притѣснявшаго земледѣльцевъ и грозитъ ему вѣчнымъ судомъ. Бѣдные люди нерѣдко страдали отъ тяжелыхъ государственныхъ повинностей и неумѣренныхъ процентовъ за долги. Церковь и въ этихъ случаяхъ вступалась за нихъ предъ кѣмъ слѣдуетъ, наприм. Теодоритъ въ трогательномъ письмѣ къ императрицѣ Пульхеріи хода-

тайствуетъ объ облегченіи ихъ отъ пошлинъ Григорій Великій въ тащиту, отъ пошлинъ жителей о. Корсики пишетъ императрицѣ Констанціи: „я не думаю, чтобы эти вещи доходили до Вашего Всемилостивѣйшаго слуха, иначе онѣ не могли бы продолжаться. Необходимо сдѣлать представленіе объ этомъ Императору, чтобы онъ снялъ эту страшную грѣховную тяжесть съ своей души, съ своего государства и съ своихъ дѣтей“. Тоже самое можно встрѣтить въ дѣйствіяхъ святаго Амвросія Медиоланскаго, Іоанна Златоустаго, митрополита Филиппа и другихъ“.

Этимъ и заканчивается та часть доклада, которая, по моему мнѣнію, какъ было выше сказано, имѣетъ нѣкоторое отношеніе къ злободневнымъ вопросамъ, поднятымъ на стр. „Епархіальныхъ Вѣдомостей“ и вообще къ переживаемому моменту жизни.

Не защищая этого доклада, а наоборотъ признавая его недостаточность со стороны подробнаго раскрытія и оправданія высказанныхъ въ немъ мыслей и называя его скорѣе „наброскомъ“, скажу только, что впечатлѣніе было имъ произведено самое слабое и скорѣе отрицательное въ смыслѣ „да въ тихомъ и безмолвномъ житіи проживемъ въ ожиданіи собора“. Но вѣдь нѣтъ очевиднѣй той истины, что соборъ самъ по себѣ не въ состояніи всколыхнуть море жизни и разбить подводные камни его. При проведеніи реформъ, онъ, предполагается, будетъ считаться съ реальностью запросовъ и силъ, дѣйствующихъ въ жизни и ничего, конечно, великаго не можетъ создать при отсутствіи однихъ и при инертности другихъ, а уподобится вѣтру производящему въ стоячей водѣ одну только мертвую зыбь.

Въ заключеніе всего позволяю себѣ ноставить такой вопросъ: можно-ли считать живой фотографіей—отраженіемъ съ патуры постановленіе Ставропольскаго училищнаго съѣзда „признать проектъ о. Сальскаго заслуживающимъ полнаго вниманія духовенства, а практическое осуществленіе его желательнымъ“.

Вѣдь принято смотрѣть на депутатовъ съѣзда, да такъ оно и есть въ большинствѣ случаевъ, какъ на лучшихъ изъ насъ-ихъ собратьевъ. Они видятъ опасность момента, ихъ души горятъ священнымъ огнемъ стремленій ко всему высшему, и курсы безусловно имъ полезны, хотя бы они осуществились по проекту о. Сальскаго, но намъ, рядовымъ, близки-ли ихъ внутреннія переживанія?

Христова правда и до-нынѣ и вѣчно жизненна: что-бы получить необходимое, нужно просить,—чтобы найти желаемое, нужно его искать и чтобы отворили намъ, нужно стучать. Есть ли мы въ своей массѣ—вище духомъ, чтобы просить,—свѣтлыя очи, чтобы искать и—орудіе, чтобы стучать.

Говоря откровеннѣе, короче и болѣе обще—имѣемъ ли мы, въ своемъ большинствѣ, страстное, непреодолимое желаніе выдти на строго—вѣрный, но узкій и тернистый путь истиннаго христіанства?

Отъ того или иного рѣшенія этого вопроса, будетъ зависѣть рѣшеніе другого—имѣемъ ли мы, въ своемъ большинствѣ, искреннія стремленія и запросы къ широкому, высшему, научному знанію для того, чтобы успѣшно бороться съ зломъ міра сего, его антихристомъ? При отрицательномъ рѣшеніи этихъ вопросовъ—всякіе курсы бесполезны, а желательны—богословско—философскіе и затѣмъ уже—естественные и т. д.

Священникъ Василій Судницынъ.

